

СЛОВО ИСКРЕННЕЕ – О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ СОВРЕМЕННОМ

С внешнеаксиологической точки зрения да с близкого расстояния я знал **Ивана Федоровича Кураса** (далее: **И.Ф.**) с сентября 1972 г., говоря летописным слогом, – тридцать лет и три года. В возрастном смысле я старше его на целых два года, в других же отношениях и измерениях (научная квалификация, государственная служба, общественно-политическая деятельность, руководство творческими коллективами и др.) он, несомненно, опережал и превосходил меня. Таким образом, в строгом социолого-политическом смысле, **И.Ф.** – мой старший современник.

Когда недавно мне предложили поделиться воспоминаниями об **И.Ф.**, – признаюсь, был в немалой степени смущен своим же самовопрошанием: как же мне подходить к такой неординарной фигуре? По зрелом размышлении, кажется, нашел свой угол зрения: это будут некие мемуарные аксиологизмы в строго личностной призме; это будут записки в стиле уже апробированного мною некоторое время назад своеобразного жанра¹. Т.е., это будет “**только мой Иван Курас**”.

Перечитав ниже изложенное, подумалось: будь **И.Ф.** жив, вряд ли бы он смог, как **А.С. Пушкин**, вглядываясь в тропининский портрет, сказать: “Себя, как в зеркале, я вижу, но это зеркало мне льстит”. Конечно, мое “зеркало” ему и льстить, и исказить его облик не должно и не будет. За это ручаются две разносмысловые обстоятельствоственные материи.

Во-первых, моя память... Хотя я на свою память еще не очень жалуясь, – в сугубо концептуально-аксиологическом смысле сошлюсь на авторитетное мнение **А.Ф. Кони**. В конце XIX в., в одной своей мемуаристской рецензии он отмечал: в любых мемуарах “просачивается то, что в экспериментальной психологии носит название “мечтательной лжи”. Это – коллизии, когда в памяти мемуаристов “затуманивается далекое прошлое и начинает казаться, что то или другое в действительной жизни **могло произойти**, и мысль начинает останавливаться на том, что оно **должно именно так произойти**

и, наконец, укрепляется в убеждении, что оно в самом деле **так и было**". Поэтому, заключал он свою мысль, к мемуарам "следует относиться без слепого и безусловного доверия, а с благожелательной критикой"².

Разумеется, я не отрицаю возможности – может, и необходимости – такого доверительного и благожелательно-критического отношения к ниже изложенным мемуарам об **И.Ф.** Но не умолчу при этом об одном "смягчающем дело обстоятельстве": мои мемуары фактически уже давно написаны, точнее: своевременно зафиксированы ... в моих многолетних личных дневниках. Т.е. в своеобразной форме они уже задокументированы, – на личностном этико-интимном уровне. Вот почему я выше оговаривался: это "только мой" **И.Ф.**, – только тот, каким я его воспринимал и "усваивал" на протяжении тридцати трех лет нашего дистанционно-контактного знакомства. Таким образом, момент "**во-вторых**" состоит в определении меры достоверного документирования чьих-то воспоминаний. Как это кому ни покажется парадоксальным, а то и просто несуразным, – это археографическое явление в моей писательски-исследовательской жизни – как-то отдаленно, но все же связано ... с **И.Ф.**

В 50-х годах XX в. я с некоторым особенным усердием изучал – "для себя" да "на будущее" – историю и культуру восточно-романских народов. Летом 1952 г. в чудом уцелевшей церковной библиотеке молдавского села Сынжерей (это – родина **Сергея Лазо**, а рядом – и родина **Сергея Тигипко**, с. Дрэгэнешть) попал на сборник средневековых молдавских хроник. Среди прочих в сборнике была и известная хроника **Григоре Уреке** (который, к слову сказать, в начале XVII в. учился во Львовском коллегииуме одновременно с царевичем **Петру Мовилэ**, Украине более известного в качестве все-странового митрополита **Петра Могилы**). Во вступлении к своему "Letopiseŭu" историк касался и обыденного, казалось бы, вопроса: для чего же мыслящему человеку следует писать вообще и писать дневник в частности? И отвечал: писать следует для того, "чтобы оставить сыновьям и внукам не только сведения о прошлой жизни, но и побудить их к самообразованию для развития", дабы впоследствии не оказалось так, что "все страны, народы и прошлые времена для них потонули в темную неизвестность, а грядущие люди не упо-

добились зверям и скотам безгласным и беспамятным”³. Конечно же, в 15 лет о детях и внуках я еще не думал, а вот над сентенцией мудреца: “Пиши дневник, – дабы впоследствии не оказаться безгласным и беспамятным зверем”, – над этим я задумался всерьез. На второй или третий день я завел дневник (с которым и до сих пор не расстаюсь), и первые записи в нем – о визите в “Музей героя гражданской войны **С.П. Лазо**” и хроникерском сборнике из местной епархиальной церкви (построенной прадедом героя, **Диомидом Лазну**, – такова настоящая фамилия известного человека начала XX в.)... Через двадцать лет одна из дневниковых тетрадей (с записями от мая 1971 г.) в сентябре 1972 г. оказалась “весомым кирпичом” в системе моих аргументов в первой встрече с ... **И.Ф.** (*подробней об этом – ниже*). Вот сегмент той беседы.

– Но дневник – тоже документ соответствующего времени, – не так ли? – горячился я.

– Да, – ответил спокойно **И.Ф.**, – если запись правдиво фиксирует текущую минуту... И, конечно, если ваш воспоминатель не лебезит и не холуйствует перед собеседниками и событиями...

Тридцать лет и три года спустя перед памятью **И.Ф.** я свидетельствую: в моих воспоминаниях о нем, говоря словами **К.М. Симонова**, – “не розовая водичка и не старческие песнопения прошлому, а рассказ о реальной прошлой жизни...”⁴. Конечно, в полном дневниковом массиве того “рассказа” есть – адресованные именно **И.Ф.** – детали да нюансы лишние и наносные. Они часто встречаемы в тех коллизиях, когда я контактировал с **И.Ф.** – “представителем власти”, с “должностной особой” или даже с “вышестоящим коллегой”.

Но с годами я научился, кажется, видеть перед собой и диалогизировать как бы с двумя человеками, – с *интеллектуалом высокой пробы* и с *воспитанным и волевым политиком*. Подобные девиации **Ю.И. Шаповал** называет проявлениями “незаурядной дипломатичности” **И.Ф.**⁵. Я же это называл бы и волевыми проявлениями вышколенного бюрократа а ля **М. Вебера**. В веберовской типологии “мыслящий бюрократ” не превалирует ни “сладкое”, ни “горькое”, – только “ситуативно сущностное”. Как сказал бы о подобном элитарном типе политика, например, **Г. Гейне**: “Обладать волей можно

только будучи личностью, а проявить волю можно только тогда, когда не связаны локти”⁶.

Что **И.Ф.** – незаурядная личность, я заметил уже в начале 70-х годов XX в. после двух-трех неприятных, но полезных для меня встреч, а к концу того десятилетия, когда он (незаметным извне образом) проталкивал и себя, и меня, как выражался тот же **Ю.И. Шаповал**, “между Сциллой и Харибдой “маланчукизма”⁷, – да так, чтобы я остался лишь слегка пожуренным за какие-то “национал-сепаратистские проявления” и “ревизионистские шатания гародистского типа”, – с тех пор я стал замечать за спиной у **И.Ф.** не ангельские крылья, а “несвязанные локти”, по **Г. Гейне**. С тех же пор и самый образ **И.Ф.** стал в моих глазах высвечивать все новые и новые грани. Обо всем этом – ниже...

Но почему же я пишу по-русски? – резонно спросят. В этом... повинен **И.Ф.** В первом же контактном эпизоде от сентября 1972 г. **И.Ф.**, узнав из моих документов и уст о моем иноземном происхождении да по прочтении написанной мною накануне по его требованию “докладной записки” (что и как да почему, – об этом позже), сказал: “Судя по письму, мысли свои вы, как говорил **Остап Бендер** в адрес “человека, измученного нарзаном”, излагаете складно, а вот по-украински устно... пока не рекомендуется часто изъясняться. – Откинувшись в кресле, продолжил: – Знаете, мы с вами – почти что земляки. Я родился и прожил годов пятнадцать в приднестровском полуукраинском-полумолдавском селе. Ваш молдавский говор (мягкое “л”, овалы окончаний слов в безударном положении, путание падежей и все такое) мне напоминает о двух неприятных человеках. Это – учитель физкультуры и секретарь сельсовета: оба были молдаванами, но изо всех сил старались говорить по-украински, ужасно коверкая язык... Надеюсь, вы не обиделись на меня?..”

В смущении я пообещал ему больше при нем “не коверкать мелодичный украинский язык”, но в дневнике своем, признаюсь, ему “досталось”... По прошествии лет я обиды за это замечание на **И.Ф.** не держу. Но, чтобы быть честным и в долге до конца, – я решил: воспоминания о нем излагать по-русски.

Мои воспоминания об **И.Ф.** – не цельно-сюжетное повествование, не тематические эпизоды или коллизийные очерки. Скорее, это

– некие ситуативы из моей биографии, на которые – волею случая – “наложился” какой-то отпечаток грани личности **И.Ф.** Об “обратной связи” наших контактов мало ведаю. Не уверен, обогатил ли я его чем-то, – скорее всего, на что-то когда-то надоумил. Впрочем, обо всем этом я уже кое-что опубликовал в научной печати, на что в свое время будут соответствующие ссылки.

1. *Сентябрь 1972 года.* Предыстория встречи такова. С сентября 1969 г. до мая 1971 г. пребывал в заочной аспирантуре Одесского университета. По совету известного ленинградского ученого, эстонца **Р.Ф. Итса**, разрабатывал политолого-этнологическую проблематику, которой верен до сих пор. В феврале 1971 г. выступал на ежегодной аспирантской научной конференции с сообщением “В.И. Ленин о роли в политике народа как этноисторической общности”. На трибуну поднимался “подающим надежды исследователем-лениноведом”, а возвращался в зал к своему месту “под зонтом” чьей-то фразы из президиума: “Да это же чистый гародизм”. Присаживаясь рядом со своим научным руководителем **Д.С. Бельфором**, тихо спросил: “А это что за зверь?” “Потом узнаете. А пока ясно, что ваша песенка спета”. Так и случилось, – через два месяца меня уже “тихо” из аспирантуры исключили. Немедленно связался по телефону с **Р.Ф. Итсом**. Я рассказал ему о своих перипетиях. Он предложил выслать ему докладик, – мол, попытается издать, обозначив меня аспирантом его (Ленинградского университета) кафедры этнологии.

Так оно и произошло, но лишь к концу 1971 года. Тем временем потекли тревожные месяцы моей “идеологической реабилитации” и восстановления в аспирантуре. Присвоив мне громкий и “весомый” в те годы титул “сына иностранного коммуниста-подпольщика”, **Р.Ф. Итс** (в качестве внештатного лектора ЦК КПСС) пошел с моим “делом” к “покровителю всех интернационалистов”, к председателю КПК при ЦК КПСС **А.Я. Пельше**. И из Москвы “украинским товарищам” посоветовали восстановить меня в аспирантуре одного из киевских вузов. Таким вот образом, – с 1 октября 1971 г. – я оказался не “восстановленным”, а “вновь принятым” в аспирантуру Киевского пединститута.

О моих “гародистских прегрешениях” тут не ведали, и я продолжал интенсивно заниматься политолого-этнологической проблематикой. В ноябре съездил в Ленинград к **Р.Ф. Итсу**. Он показал мне версточный номер Вестника ЛГУ в статусе научного журнала с моей первой научной статьей. Со словами “Вы – накануне, быть может, важного научного обобщения принципиального значения” и “Как только журнал выйдет в свет, я дам знать”, – попрощались. В дверях вдруг вспомнил: “Что касается обвинения в “гародизме”, – так это нечто несуразное... На какой-то встрече с партактивом, кажется, г. Саратова, **Р. Гароди** в июне 1969 г. предрекал КПСС “кризисные неприятности” из-за того-де, что она недооценивает роль этнополитического фактора в истории вообще. Но это же несерьезный аргумент. Так что не переживайте, у вас этого греха нет. До лучших времен!”

Вернулся в Киев в бодром настроении. Работалось на большом творческом подъеме. Особенно плодотворными оказались четыре месяца (январь – апрель 1972 г.) стажировки в ИМЛ при ЦК КПСС в Москве. Периодически звонил **Р.Ф. Итсу** в Ленинград. На мой “дежурный вопрос”, когда выйдет в свет вожделенный журнал, однажды он ответил уклончиво: “Скоро...” В мае того года сдаю к обсуждению на кафедре первый вариант кандидатской диссертации. Обсудиться же не успел, – меня вот-вот должны были вызвать в ЦК КПУ по поводу каких-то “идеологических грехов прошлого”. В понятной тревоге звоню **Р.Ф. Итсу**, мол, что бы это значило? “Да, у нас неприятности. Я недооценивал известный тезис **Р. Гароди**: бдительные “идеологические чистильщики” нашли ее следы в том номере журнала, а у вас – прямо в названии статьи; журнал запрещен, но тираж где-то на складе еще есть; я “под колпаком” у **Е.А.** (позже узнал, что это – дочь известного **А.А. Жданова**, Елена Андреевна **Жданова**, секретарь горкома партии по идеологическим вопросам), в адрес республиканских руководств всех “грешников” направлены соответствующие рескрипции. Вероятно, дошли и до вас. Держитесь и аргументируйте, по совету **Гегеля**, только научными понятиями. До лучших времен!”

Таким образом, я, хотя отчасти, но оказался более-менее подготовленным к “встречам в республиканском руководстве”. Однако

“наверх” почему-то не спешили вызывать. Все лето 1972 г. провел в незатихающей тревоге. Слетал в Ленинград. **Р.Ф. Итса** застал на даче под Выборгом. И у него тревога не улеглась. Показал единственный, спасенный им от “зареза” номер журнала с моей “гародистской” статьей. “Можете смело библиографировать и статью считать аутентичным научным трудом, – заметил **Р.Ф.**, – наши книгопродавцы журнал зафиксировали во ВКП и ВААП, и теперь **Е.А.** вылавливает журнал по всей стране”. “Между прочим” узнаю от него, а он – “от самого Арвида Яновича”, – о том, что – “по инициативе **М.А. Суслова**, одобренной самим **Л.И. Брежневым**”, – по всей стране готовится замена идеологических кадров высокой квалификации “новыми людьми” и что “Украину тоже ждут” такие перемены. Вернувшись в Киев, делюсь этими “сведениями” с бывшим николаевцем, “работником центрального аппарата”. Тот, в знак благодарности, обещает поточней узнать, “как движется мое дело” и где да кем оно обсуждается. В самом начале сентября он сообщил: как такового “личного дела” нет, а есть лишь какой-то “запрос” из парткома Ленинградского университета и подобие “ответа” на чей-то “вопрос из Киева” от парткома Одесского университета. Папка с этими разрозненными материалами находится у зав. сектором Отдела науки ЦК КПУ **С.И. Дорогунцова**, который, не считая это “делом серьезным”, не спешит встретиться со мной, – “да и вообще **С.И.** выжидает, ибо сам вот-вот передаст дела преемнику, – одесситу с хорошей историко-нациологической подготовкой”. Им и оказался **И.Ф. Курас**.

16 сентября 1972 г. – я у него на приеме. Встретил вежливым кивком головы. Несколько минут перебирал бумаги в “моей” папке. Я успел заметить ризографическую копию верстки моей ленинградской статьи. По всему видно, что **И.Ф.** с “делом” знаком, статью читал. Дал мне десять минут на “устную личную интерпретацию” вопроса. Я, как обычно говорливый, перебрал “два регламента”, но **И.Ф.** вежливо слушал с непроницаемым лицом. Лишь один раз по его лицу пробежала какая-то хитроватая усмешка, – когда я приводил имя **Д.С. Бельфора** и его слова “ваша песенка спета”. “Как говорится, знакомые все лица, – подытожил **И.Ф.** – Все названные вами одесситы – это и моя профессура, а ленинградские и москов-

ские персонажи знакомы издали. Я вас выслушал и попытался понять. Кажется, понял. Даем вам два – три дня на подготовку короткой докладной записки обо всем и про все. Устно вы анализируете свой вопрос убедительно, но несколько апологетично, что, впрочем, объяснимо.

Как говорят французы, кто себя оправдывает, – тот сам себя и обвиняет. Об этой диалектической грани вы помните вообще и в частности, – когда будете писать свою записку. Как только окажетесь готовыми, дайте знать по этому телефону (подает бумажку с номером телефона), и мы еще раз встретимся. Докладную пишите по-русски, а вот устно изъясняться в следующий раз я попрошу по-украински. Згода? Тоді домовилися. До зустрічі!” Попрощались, как и встретились, без рукопожатия. В последующие тридцать три года **И.Ф.** никогда этого “начальничества” по отношению ко мне не позволял себе: всегда здоровался за руку, на дружелюбном “ты” и по имени-отчеству.

Вторая сентябрьская встреча с **И.Ф.** оказалась совсем неординарной... Дружелюбно поздоровавшись, он долго читал мою докладную записку, делал какие-то подчеркивания. Беседу по ее содержанию **И.Ф.**, как и обещал, навязал на украинском языке. По всему судя, я “провалился”, – и через минут пятнадцать последовала уже приведенная выше его “антимолдавская филиппика”. А далее – серия совсем неожиданных провальных эскапад... Посыпая свою (уже русскую) речь пословицами и афоризмами, **И.Ф.** произнес (наверняка с кем-то согласованный) вердикт: диссертацию по этнополитической проблематике (тогда он называл ее “нациологической”) с обсуждения на кафедре снять, – да “без шума и пыли” и так, “чтоб комар носа не подточил” и вообще... “отложить на самое дно личного архива”... Я был поражен пуще грома небесного.

– Как же так, – столько лет работы, и вы такое советуете?!!

– Когда-нибудь вы поймете, что вам дают дельный совет, – отпарировал он. – Ведь, сняв голову, по волосам не плачут, – поняли?

– Я не юноша, мне тридцать пять лет, я отец двоих детей и глава большой семьи, – продолжал я пылить, – а вы легким жестом Чапаева: наплевать, растереть и спрятать на дно памяти...

– Да, да, именно так, но не по-чапаевски, а по-самоохранительски, – урезонивал меня **И.Ф.** – Вы не забывайте о пущенном в ваш адрес словечке “ревизионист”: это намного весомей “молдаванского акцента в речи”, как вам инкриминируют в этих бумагах.

– Но почему это так важно, – раз это глупо по отношению ко мне конкретно: какой же я ревизионист? – отчаянно трепыхался я.

– В конце-концов, – похоже, **И.Ф.** собирался “закрыть вопрос”, – не столь это важно по сути, как опасно с внешней стороны: слово “ревизионист” в такой увязке с “национальной политикой” да с именем **В.И. Ленина**, – эту-то опасность вы чувствуете? Наконец, вспомните поэта: Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...

Я был сражен и вконец обескуражен. Вероятно, и сам **И.Ф.** психологически переживал ситуацию. Он медленно встал и, слегка прихрамывая, подошел к боковому столику с 3 – 4 безномерными телефонами. Снял трубку – положил. Обернулся ко мне, все еще стоявшему в растерянности. “Остыньте и присядьте. Нациологическую проблему сдайте в архив памяти, когда-то пригодится. Сейчас я свяжу вас с полезным человеком и дам ему полезный для вас совет”. Снова снял ту трубку и позвал какую-то **Молостову** или **Малостову**: “Я прошу вас о нижеследующем: фамилию В. из списка аспирантов Одесского университета переведите в аспирантуру Киевского пединститута, старую тему диссертации исправьте на машинке, новое название он сам вам сообщит. Саму ж фамилию переведите в список разрабатывающих лениноведческую проблематику. Мы это проверили, – он хорошо знает труды **В.И. Ленина**. Когда наберете очередной список новобранцев-диссертантов, прежде чем дать Виктору Васильевичу на подпись, покажете мне. Договорились!” Положив трубку, **И.Ф.** направился ко мне. Я встал, предчувствуя конец встречи.

– Вы все слышали и все поняли?

– Да, кажется, все, – ответил я и симитировал веселую ноту слэнгом **Р.Ф. Итса**:

– До лучших времен?

И.Ф. скорректировал: – Мы и сейчас переживаем прекрасные времена. Поэтому можно сказать иначе: До новых встреч! Вот этим кличем и должны расставаться творческие марксисты!

На свою кафедру я вернувся і пришибленим, і оновленим... Зав. кафедрою і научний керівник проф. **М.Д. Ющенко** (некогда – работник аппарата ЦК КПУ) встретил успокоительным сообщением: “По вашему вопросу я поставлен в известность. Работайте спокойно и самоответственно”. После нескольких “зондажных” бесед **М.Д.** сказал: “Про себя вы меня своим учителем можете не считать, – я в теории революции не понимаюсь. Отпускаю вас в свободное плаванье”.

О старой моей диссертации быстро забыли и во всевозможные учетные списки стали включать в качестве “революциолога-лениноведа”; вскоре был назначен зав. кафедрой УМЛ Киевского ГК КПУ и внештатным лектором разных партийных инстанций. В июне 1974 г. сдал к обсуждению на кафедру новую диссертацию, и – в качестве “досрочно закончившего аспирантуру” – был направлен на работу главным редактором одного научного издательства, а в мае 1975 г. защитил ту кандидатскую диссертацию. Нутром чувствовал, что за этими моими “успехами”, как тень отца Гамлета, наблюдает **И.Ф.** Что он и подтвердил двадцать лет спустя в некоторых деталях, о которых мог знать только он один. На вопрос, что же понуждало его тогда “возиться со мною, с неприметной фигурой?”, он ответил “приднестровской балакуцей” (это – его слово): “Если вы вытянули человека из холодной проруби, – не считайте, что уже спасли, – его нужно еще обогреть, накормить, одеть в сухую одежду. Вот только тогда вы его и спасли...”

2. Однако *осенью 1975 г.* со мной стряслась какая-то двойная остракистская коллизия, под стать той, “ревизионистской” и чем-то сродни той. Но на этот раз роль **И.Ф.** долго не самоочерчивалась...

Работая главным редактором издательства, мне ежедневно приходилось читать и подписывать в набор и в свет довольно объемное количество разнопроблемной научной продукции. От меня требовались и большое трудолюбие, и большие знания. Естественно, далеко не всегда я соответствовал этому “долженствованию”. Тем не менее, на меня распространялся старолатинский принцип “Obscurantio non est argumentum”... В 1973 – 1975 гг. группа ученых в военной форме или отставных военных готовила к изданию книгу, как тогда говорили, “интернационального звучания и масштаба”: “Советский

солдат – патриот и интернационалист”. Книга фигурировала в каких-то списках ЦК КПУ к 35-летию Победы. В процессе апробации и редактирования рукописи, как мне потом “между нами” сказали, я проявил “чрезмерную бдительность”, находя там много существенных, а еще более – “вкусовых” ошибок, недостатков и огрехов. Этим я объективно сорвал плановые сроки выхода книги в свет. С точки зрения профессиональной, у меня был частокорол оправданий, – но меня “прижимали к стенке”, большей частью, “идеологическими аргументами”: Почему “резко сократил антирумынский материал”? Почему “допустил местнический подход” к освещению Яско-Кишиневской битвы августа – сентября 1944 г.? Почему “неоправданно притушены акценты” на особую роль в войне 18-й армии, где начальником политотдела был **Л.И. Брежнев**? И т.д. Из трех крупных “инкриминаций” две тянули в опасное для меня, интонационала, русло. И еще...

Два поверхностно знакомых человека, которые беспрепятственно занимались этнополитической проблематикой, – коллега по аспирантуре Одесского университета и ленинградский ученик **Р.Ф. Итса**, – уговорили включиться в подготовку “специального научного сборника” по этим проблемам. Задористо звучал подзаголовок сборника: “Новый взгляд на старые историко-этнологические вопросы”. Нашли “ответственного научного редактора” (им соглашался быть... армянский ученый из Таллинна) и “авторитетного рецензента” – москвича **М.Я. Гефтера**. В этих “координатах” я и подготовил свою 10-страничную статейку и летом 1975 г. “окольным путем” выслал ее **М.Я.**, а тот передал уже в Таллинн тому безымянному арменину. А уже в октябре 1975 г. “круг замкнулся”: в двойной ипостаси, – как “должностное лицо” и в качестве “диссидентствующего автора”, – вызвали в “Группу Главлита”. Там к моим “молдорумынизмам” из книги о войне добавили... верстку сборника “из подпольной Прибалтики”, в котором была и моя статья, якобы “кишащая националсепаратизмами”. Вердикт этих высших на то время “спеццензоров” был лаконичен: по служебной линии мне объявят строгий выговор и понизят зарплату (“такова наша рекомендация”), “а вот насчет идеологии и нацуклонизмов вам скажут в ЦК партии. Ждите приветы-ответы!”

По линии служебной “ждать приветов” довелось не долго. А вот “туда” почему-то не спешили вызывать. Почему же?.. Некоторое прояснение пришло с неожиданной стороны. В мае 1976 г., будучи в Москве по служебным делам, связался по телефону с **М.Я. Гефтером**. “А-а-а, таинственный товарищ Варзер?! С удовольствием встречусь...” Говорили, что он нелюдим и радушен, главным образом, с еврейскими сородичами. Принял радушно, снова обозвав меня швабской фамилией. Вот и подумалось: значит, я для него – “свой”. Удивил и обогатил раскованным размышлением-“сообщением”: “По моим наблюдениям, за почти две тысячи лет сожителства с другими народами и культурами диаспорные евреи выработали три элитные группы самовыделяющихся: 1) благородные и творческие интеллектуалы (я смею относить к ним себя и, судя по таллиннской да ленинградской статейкам, – и вас), 2) бескорыстные и беззащитные гении (**А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер**) и 3) интеллигентные злодеи. Так что **В. Парето** со своими “лисицами” и “львами” – нам не в урок... Секрет украинской ситуации мне видится в следующем: по подсказке из Москвы накануне и после XXV съезда партии в киевский центральный идеологический аппарат внедрилась пара-тройка вот тех развитых злодеев, которые еще осваиваются во своим положением и не отвлекаются на детали. Извините за ремарку: вы для них – еще деталь, вами они могут заняться попозже. Поэтому поройтесь в своем архиве и – по “методу” **Гоголя** – почистите мало-мальски значущий “компроматик на себя”. Но теоретическую новизну из головы не вытравливайте, – уверен, наступят лучшие времена!” (Во второй раз – после **Р.Ф. Игса** – мне встретился этот диссидентский слэнг-лозунг 60 – 70-х годов.) Вернувшись домой, я всерьез занялся своим “этнополитическим архивом” и в две – три “ходки с портфелем” в близлежащий виноградарский лес сжег очень много рукописей, хоть отдаленно “тянувших” на “этнацкомпромат”. Особо сожалею до сих пор о первой кандидатской диссертации 1969 – 1972 гг., ленинградской статье 1971 г. и таллиннской статье 1975 года.

3. “Мостик” к **И.Ф.** самообозначился много позже. **В январе 1999 г.** состоялся учредительный съезд ВОДС “Злагода”. Резолюция съезда протокольно поручала **И.Ф.** и мне подготовить проект

“Манифеста” этой новой для нас общественно-политической организации. Выходя из зала, **И.Ф.** взглядом позвал к себе и сформулировал вопрос-установку.

– Предлагаю: каждый из нас, гигантов мысли, пишет свой проект. Згода? Затим – погоджувальна зустріч, підписання спільного проекту і заключна кава. Ваша думка?

– Повна згода. Уточніть час і місце зустрічі.

– Місце зустрічі змінити не можна, – Кутузова, 8. А час уточнюємо телефоном.

Через 10 – 12 днів зустрілись в его институтском директорском кабинете. С полчаса **И.Ф.** “прохаживался” ручкой по моему проекту, я – осторожным глазом по его проекту. Затем он вышел в приемную и несколько минут кому-то объяснял, как “щадящим образом конкубинировать положения” из двух проектов (это – его слова). В дверях уточнил громко: “Звичайно, це вже буде третій, погоджений проект. Так ви й зазначте в кінці”. **Нелли Георгиевна** принесла кофе, **И.Ф.** поделился своим бутербродом, – и мы молча приступили к обеду. Принесли отпечатанный, “согласованный вариант” документа. Еще 3 – 5 минут **И.Ф.** “прощупывал” текст глазами. Хлопнув ладонью по бумаге, отложил в сторону.

– Мне твой почерк мышления и письма нравится, и я сожалею, что так и не удалось поработать вместе... (Отвлек телефонный звонок. **И.Ф.**, видно, потерял нить своей мысли.) В дальнейшем поступим так: у тебя есть свой экземпляр проекта, – береги, в придачу бери экземпляр нашего общего проекта, а я себе отложу все проекты по одному экземпляру в свой архив.

Встал и, подойдя к книжному стеллажу, сказал:

– В этих папках – лишь часть моего архива. Очень люблю археографическое дело, но нет времени этим заниматься... А ты продолжаешь вести дневник? Ведешь ли свой архив?

– Продолжаю и веду, но с середины 70-х годов – бессистемно.

– Почему именно с тех пор?, – удивился **И.Ф.**

– Вы помните то время. Так вот, тогда, весной 1976 г., по совету одного московского диссидента, многое из того архива лично сжег, уничтожил...

– Интересно, кто тебе такую глупость посоветовал?..

Я коротко обрисовал перипетии середины 70-х годов с так до сих пор неясными обстоятельственными обвинениями в “ревизионизме” и “националсепаратизме”. Закончил пересказом приведенного выше рассуждения **М.Я. Гефтера** и лишь эпизодическим упоминанием имени **В.Е. Маланчука**.

– Как говорят одесситы: Муля, не трави душу, – отозвался **И.Ф.** непривычно. – Ты нарываешься на большое интервью по поводу “комплекса больных тем неоднозначного прошлого”. В дневник точно запиши эту формулу. Сейчас я на подробный разговор не пойду, – время не назрело. А несколько штрихов, сугубо тебя касающихся, могу обрисовать. *Первый.* Упомянутый **В.Е.** был навязан Украине “самим” **М.А. Суловым**, представивши его на пленуме в качестве “крупного знатока ленинского наследия в области национального вопроса”. Вероятно, и сам **В.Е.** в это поверил... *Второй штрих.* У **В.Е.** был спецпомощник-референт по нацвопросу – **Сосновчик С.А.**, которого ты должен помнить. Вот он-то и выполнял личные поручения **В.Е.** в этой области. Какие материалы и имена, конкретно каких людей подавались лично “шефу”, – это вряд ли какая спецслужба может уточнить. Когда же эти материалы “обрабатывались” в аппарате, я мог и лично что-то скорректировать. Например, относительно тебя я точно помню два случая, когда твоя фамилия была подана “к порке”: один раз, кажется, в 1975 г. в связи с какой-то книгой о войне, другой раз – в 1977 г., в связи с выпуском тобой “вредной” книги **Я.С. Калакуры**. Оба раза от двигавшейся на тебя “телеги” мы тебя спасали, как могли. А в каком-то официальном документе ЦК тех же 70-х годов твоя фамилия попала не с нашей подачи и не помню, под каким соусом. Видно, это было одно из “прямых деяний” **С.А. Сосновчика**.

– Это точно так и есть, – говорю я. – В этом он мне сам признался на смертном одре в марте 1994 г., прося у меня за это прощения...

– Мой совет тебе: не выступай в печати с психологическим открытием явления “чистосердечного признания мерзавца на смертном одре”... *Последний штрих* – о твоём **Гефтере**. В свете всего сказанного мной и тобой, я склонен пересмотреть свою оценку: на счет гоголевского сжигания архивов он тебе дал дельный совет... А вообще-то, соберись с силами и по дневниковым записям, с точны-

ми деталями напиши толковые воспоминания об этом замечательном человеке, которого я знал весьма отдаленно...

Нас прервал еще один телефонный звонок, и **И.Ф.** вежливым жестом попрощался со мной.

4. *Букет эпизодов 1985 – 1995 гг.*, связанных с подготовкой и защитой мной двух докторских диссертаций, в двух столицах – Москве и Киеве, по двум концептуально разным темам и на грани двух историко-формационных эпох. Без благотворного участия и влияния на ход десятилетних событий **И.Ф.**, – кто знает, каким бы оказалось для меня это десятилетие физиологической и творческой жизни...

Началось с детали: “отбыв” два срока выборной работы в парткоме одного столичного вуза, по правилам тех лет я был “отпущен” в докторантуру. Но “отпущен” безадресно и не-гарантированным образом: просись и стучи в любые двери... Наиболее удачным адресом для “отставленных” партийных работников считалась АОН при ЦК КПСС.

С этой самоустановкой в феврале 1985 г. я и обратился к **И.Ф.**, – за помощью и советом. Как всегда сдержанный и внешне бесстрастный, он неуверенно пообещал “попробовать выбить” в Секретариате ЦК КПУ одно докторантское место в АОН. “Выбил”, и в мае из Москвы последовало телеграммное требование: это должен быть мужчина до 50 лет, свободно владеть 1–2 иностранными языками, иметь оптимальное количество научных публикаций и опыт разработки геополитико-правовой или революциологической проблематики. Получалось, что по всем этим пунктам я “проходил”. Но **И.Ф.** охладил эйфорию сообщением: есть негласное или неписанное требование, – из соответствующей республики – соответствующие “коренные национальные кадры”... Когда я уже было собирался “на себя махнуть рукой”, **И.Ф.** хитровато улыбнулся:

– Фамилию тебе некогда изменили, согласишься теперь на коррекцию национальности, – по национальности одного из родителей. Это допускается советским законодательством, – ведь мама, как сказано в документах, “малороссийская липованка”.

– В такие зрелые годы? – удивился я. – Меня же сочтут черт знает каким обратном...

– Ну, тебе видней, – сказал **И.Ф.** – Хотя в этом вопросе есть еще один гипотетический плюс: “сын иностранного коммуниста”.

– Это – слабый аргумент, – пролепетал я. – Отец был и репрессированным иноземцем...

– Я помню, в документах сказано об этом, но там же отмечено, что он реабилитирован. Так что надежда слабая, но попробуем и этим аргументировать, – заключил **И.Ф.**

На этом мы расстались аж до сентября 1985 г., – когда секретарь **И.Ф.** по телефону сообщала, что мне надлежит быть у них со всеми документами на 3 сентября. Явился. Самого **И.Ф.** не было на месте, но мне оперативно помогли оформить свое “дело” и отправить его в Москву. Оттуда вскоре поступил положительный ответ: с 1 октября (1985 г.) я зачислен в докторантуру.

Потекли годы нелегкого труда, нескончаемых поездок, встреч, библиотечных сидений, разочарований, ситуативных побед и жестоких поражений. Особо же часто подстерегали поражения. Первое из них – докторская монография: в Москве без авторских денег не хотели издавать. (“Перестройка требует средств на более важные дела, – раздраженно сказал руководящий человек в хозчасти АОН, – если б вы еще были иностранцем... Обратитесь к своим украинцам...”) Звоню **И.Ф.** Отвечает почти в тон “московского товарища”. Но по приезде моем действительно помог, – и за полцены книгу издали в Киеве. Презентую книгу **И.Ф.**: “Да с такой новаторской книжицей⁸ ты защитишься там на “ура!” Желаю успехов!” Это было в конце августа 1987 года. На 1 декабря уже назначили защиту (в те годы в АОН и ВПШ в Москве этот вопрос решался “конвейерно”: буквально ежедневно заседал какой-нибудь СУС). Монгольское слово “урра”, оказывается, означает “смерть” и “поражение”, – оно меня и настигло: три голоса “против”... Отдельным пунктом СУС принял решение рекомендовать меня на повторную защиту при условии обновления текста диссертации на две трети.

По возвращении в Киев, – к **И.Ф.**, “на разбор полетов”. Отругал лишь за один огрех, – за “пристрастное цитирование одних авторитетов в ущерб другим, не менее крупным авторитетам”. “Это – твоя Ахиллесова пята, – понял? Над этим, преимущественно, и работай”, – заключил **И.Ф.** Когда я уже хотел прощаться, он задержал полез-

ным для меня акцентом: “В каком-то московском журнале я прочитал недавно о твоём увлечении теорией революционной перестройки⁹, – не пренебрегай этим при доработке диссертации. Как по мне, это должно сработать. До новых встреч!”

Полтора года “оттачивал” текст. Дважды съездил в Ленинград – на советы к **Р.Ф. Итсу**. Рекомендацию **И.Ф.** насчет революционной перестройки одобрил, но предостерег: не перебарщивать! Ибо-де “советские революциологи сегодня – это больше восточные марксисты, чем западные...” Увы, – я этим советом пренебрег. В октябре 1989 г. состоялась моя повторная защита. Кворум членов СУС был “на пределе”, зато гостей – полный зал. Среди них – и **Р.Ф. Итс**. Думаю, сама его явка – “битого диссидента-ревизиониста” (это “реноме” я слышал в предзащитном зале) – раздражила некоторых “диспутантов”, которые в новой обстановке будто продолжали обсуждение итогов летней (1989 г.) XIX партконференции. Заседание началось с часовым опозданием. Полагаю, против меня априори поработали два момента, – а) повторная защита с “перебарщиванием” насчет “теории революционной перестройки” (а на фоне XIX партконференции эта “теория” выглядела и не очень теоретической, и не в меру революционной) и б) невзвешенный тактический ход из моей вступительной речи насчет диалектики соотношения “возможного” и “целесообразного” в практике революционной эпохи. Разнотолки вызывала и моя цитата из мемуарной книги **М. Борна**: “...Интеллект отличает возможное от невозможного, а здравый смысл отличает лишь целесообразное от “бессмысленного”...” Едва я доцитировал этого “негуманитарного классика”, как в зале зашумели. Председательский стук в графин никого уже не “ставил на место”. Мне бы на этом остановиться, – так нет, я продолжил цитирование **М. Борна**, уснащая конец фразы “перестроечными реализмами”: “...Поэтому в реальной жизни даже возможное может быть бессмысленным”¹⁰. “На что он намекает?” – вопрошал кто-то из зала. Я отбивался: “Это не я, это – гениальный **Макс Борн!**”. Но это уже никого не убеждало... Дальнейший ход защиты оказался и сумбурным, и деформированным, и искусственно прискоренным. Вероятно, “масла в огонь” добавило заявление главного моего оппонента, в принципе, очень хорошо ко мне относившегося дотолем,

Р.И. Косолапова насчет того, что он – “доперестроечный марксист”...

Второй защищавшийся коллега, сенегалец **Д. Диало**, коснувшись этих же “острых углов” борновского и косолаповского высказываний, назвал всю сумбурную процедуру защиты русским словом, но на французский лад, – “лэ вертайп” (вертеп). Словом, мы оба достаточно рассердили СУС и зал, и – помимо, несомненно, неудовлетворительного содержания наших диссертаций, – нам это в конечном итоге “зачлось”: сенегальцу кинули два “черных шара”, мне – три. Но кворум в составе СУС оказался таким, что он победил, а я снова проиграл. Относительно меня СУС принял еще дополнительный пункт решения, – “рекомендовать украинским товарищам помочь [...] с защитой в целом интересного научного исследования на месте”.

От второго удара диссертационной судьбы я оправлялся долго, но... молча. Ни с кем из “украинских товарищей”, включая и близких людей, не делился. С **И.Ф.** – тоже. О моем провале он, как сам утверждал в декабре 1990 г., впервые узнал от меня. Мы свиделись в здании ВПШ при ЦК КПУ.

– Не огорчайся всмерть и завладей своим настроением, – посоветовал он. – Лучшее спасение – работа на перспективу.

– И что же вы посоветовали бы мне делать в такое невеселое время? – спросил я.

– Займись каким-нибудь писательским делом, – например, обработай свои дневники, пиши мемуары, а еще лучше – пиши новую диссертацию.

– Вы серьезно? Кто издаст мои дневники или монографию? Или кто защитит мою новую диссертацию? – задавал я **И.Ф.** незряшные для меня вопросы.

– Ну, о дневниках и мемуарах, – это я полущутя. А вот о новой монографии и новой диссертации – всерьез: почему бы и нет? А то распустил мизантропические нюни... – Он отвлек меня за локоть в сторону и заговорщически сказал: – Если нам удастся одна благородная затея, мы откроем заведение типа академического НИИ со своим СУС, в том числе, – по твоей проблематике.

– По революциологии? – спросил я.

– Нет, эта проблема, похоже, отойдет в тень на пару десятилетий, а вот твоя этнологическая проблема двадцатилетней давности вот-вот станет очень актуальной, помани мои слова.

Немного помолчав, словно обдумывая какую-то мысль, **И.Ф.** обратился ко мне:

– **И.М.!** Я считаю себя серьезным человеком и с нормальными людьми веду только серьезные дела. Так ты запомнил наш разговор? Вот еще один практический совет тебе: в Институте государства и права у **Ю.С. Шемшученко** зачинают серию изданий по этнологической проблематике; из Москвы возвращается **А.Н. Мироненко** и идет в тот Институт; там уже угнездились писучие и мыслящие **Ю.И. Римаренко, В.Д. Бабкин** и другие, – примкни к ним, начни новую жизнь и не хнычь. Ну вот теперь все. Бывай!

Не скрою: это для меня оказалась не просто отрезвляющая, но прямо-таки судьбоносная встреча! Буквально на второй день я постучался в двери к “шемшученковцам”. Все упомянутые выше люди радушно меня встретили-приютили; у них я прошел вторую (крайне краткую) докторантуру и защитил в 1995 г. вторую докторскую диссертацию; с ними я издал более сотни разноформатных и разноценностных научных работ, – в том числе монографию в статусе научно-учебного пособия¹¹, по поводу которой в конце сентября 1995 г. **И.Ф.** сформулировал неординарную констатацию: “...Ознакомился добряче с твоей книжкой о новой науке... Прелюбопытная вещь выходит: ты один результативно работаешь над тем ворохом проблем, которые параллельно решает мой институт”¹². Этим высказыванием **И.Ф.**, по сути, подвел высочайше положительный итог всему очень нелегкому для меня предыдущему десятилетию, буквально окрашенному его творческим именем.

5. С июня по декабрь 1995 г. – клубок разносмысловых событий в моей творческой и общественно-политической жизни, тоже “напрямую” связанных с именем **И.Ф.** На том этапе – он уже не только большой ученый, но и краеугольная фигура в конструкции тогдашнего правящего политикума страны...

Еще с февраля 1993 г. я был внештатным советником Министра КМУ **В.П. Пустовойтенко** “по этнополитическим и регионально-территориальным вопросам”. В июне 1995 г. **В.П.** сказал мне:

– Тут вас віце-прем'єр **І.Ф. Курас** та міністр **М.О. Шульга** рекомендують на солідну посаду державної служби, – аж до заступника міністра. Я теж за. Але усі ми вважаємо, що ви маєте попередньо апробуватися на письмі, аби усім було видно: ось, мовляв, як люди на теоретично бачить предмет своєї державно-політичної опіки.

– Що я маю конкретно робити?, – спросил я.

– Гадаю, для початку вам слід підготувати велику аналітичну довідку про ваше бачення суті сьгоднішньої державної етнополітики та практичні завдання щодо реформування нинішнього Міністерства у справах національностей та міграції.

– А як напишу, – що далі?

– Тоді цю бумаженцію сторінок до 70 – 75 віддамо на апробацію віце-прем'єрові **Курасу** та міністрові **Шульзі**. Термін підготовки – до 1 вересня. А далі видно буде...

Все лето 1995 г. мне работалось на высочайшем творческом подъеме. Аналитическая справка на 68 страницах была готова к концу августа. Но еще за месяц до этого, в конце июля, разыгрался этнополитический микрокризис на Керченском полуострове. “Делегация из центра” была компактна, но априори раскололась на две подгруппы, – а) на “административных” этнополитиков фактически во главе с **В.П. Пустовойтенко** и б) на “аналитических” этнополитиков фактически во главе с **Н.А. Шульгой**. Мы были там три дня. С первых же шагов пребывания делегации в Крыму кристаллизовались два ориентира: одни стремились “тушить пожар в зачатке” и “на ходу” да “попутно решать назревшие организационно-кадровые вопросы”, другие же преимущественно анализировали конкретику этносоциальных проблем микрорегиона для выработки теории и методологии государственной этнополитики завтрашнего дня и реформирования структуры и “методики” работы тогдашнего Миннацмиграции. Среди последних был и я, – чему и посвятил две аналитические записки и три теоретические статьи в том же 1995 году¹³. По пути в Киев **В.П.** всем велел подготовить “короткие записки” по поводу увиденного и лично осмысленного тогда в Крыму. Подготовил и я свою справочку на 6-ти страницах. **В.П.** она, похоже, не понравилась. Пробежав ее глазами, через минут 10 вернул мне ее со словами: “Ви з **Миколою Шульгою** – в одній гарбі. Віддайте це

йому”. Когда же через три недели отдал ему ту большую “аналитку” (на 68-ми страницах), **В.П.** держал ее у себя 5 – 6 дней. В начале сентября сказал мне: “Я не гуманитарный специалист. С внешней стороны мне многое там нравится. Слово – за специалистом **Иваном Федоровичем**”¹⁴.

4 сентября 1995 г. я – у **И.Ф.** Цитирую свой уже опубликованный дневник от того числа.

– Справка справкой, – говорит **И.Ф.** – а... тебе следует высвечиваться в периодической печати. Советую: по опорным пунктам твоей же справки, “зацепив” как-то и твою новаторскую книжку, – статью написать или дать интервью в солидной газете. Вот такая задачка!

– Это что, еще одно испытание, выходит? – разочарованно спросил я.

– Может быть. На публике, а не в зашторенном кабинете надо апробироваться на такую должность, – понятненько я высказался?

– В гносеологическом смысле все понятно. А в практическом? Куда мне податься, кому себя предложить для печати? – растерянно спросил я.

– Ищите и обрящете, стучитесь и вам откроют, – по-старорежимному выпроводил меня **И.Ф.** из кабинета”¹⁵.

Дневник зафиксировал и нелицеприятную мою филиппику в адрес **И.Ф.** и **В.П.**: “Как же так, два солидных современных государственныхника, а по отношению ко мне ведут себя, как со своим крепостным писарем...”¹⁶.

Недели через две мое смутное настроение стало развеиваться. И вообще светлей на душе стало, когда в начале октября 1995 г. моей “большой аналиткой” заинтересовался тогдашний первый помощник Президента **А.В. Разумков**, одобвивший “в целом” мою теоретическую призму области государственной этнополитики и проект реформирования министерства. “Однако, – заметил он, – вряд ли все безоговорочно со всеми вашими позициями согласятся”. Когда же я осторожно коснулся вопроса о возможности “где-то и в какой-то форме опубликовать свои соображения”, **А.В.** хмуро сказал: “Впрочем, вам надо спешить, пока само министерство еще живо... Ну, а насчет органа печати, – вас уже ждут...”¹⁷. С его легкой руки

мой материал, – конечно, в переформатированном и в значительно сокращенном виде, – появился в газете “Зеркало недели” за 11 – 17 ноября 1995 г. под “страшильским” названием: “...В противном случае Украина перестанет существовать как государство”.

Полагаю, что и эта публикация, и теоретизмы насчет области государственной этнополитики, и мои предложения по реформированию Миннацмиграции **И.Ф.** не импонировали. Но он виду сам не подавал. Вот показательные эпизоды... **В середине ноября 1995 г.** состоялась встреча Президента с лидерами национально-культурных обществ, на которую пригласили и меня. Я оказался во втором ряду заседательского зала, **И.Ф.**, естественно, – в президиуме, рядом с Президентом. Несколько минут украдкой искал “зрительской встречи” с **И.Ф.**, – он на контакт не шел. Когда же **Д.В. Табачник**, представляя участников встречи, назвал меня “знанием дослідником, політологом і етнологом, одним із розробників концепції державної етнічної політики”¹⁸, как обычно на людях дипломатически непроницаемое лицо **И.Ф.** засветилось в мой адрес симпатичной улыбкой и “одобрительным” опущением век. Встреча у Президента оказалась короткой, а в кратологическом плане, – “дежурной”, “задля годиться”. По окончании встречи **И.Ф.**, направляясь за Президентом во внутренние комнаты-кабинеты, повернул голову в мою сторону, показал на свои часы и пальцем очертил в воздухе знак “телефонного звонка”. В тот же день к вечеру я к нему дозвонился. Видно, кто-то был при этом в кабинете, – ибо **И.Ф.** говорил со мной сухо, на украинском и на “вы”: “Все нормально йде, без позаштатних ситуацій. Ви надали гарні пропозиції щодо міністерства, але, бачте, перемагають інші погляди, – така діалектика життя”¹⁹. Конечно, в тот момент я “не видел”, чьи и какого качества этнополитические взгляды “побеждали” мои. Это стало явным лишь через несколько дней, – когда опубликовали указы Президента о ликвидации Министерства и о создании вместо него Госкомитета. Еще через несколько дней (это было 9 декабря 1995 г.) супруга **И.Ф.** передала мне его просьбу позвонить ему. Звоню. Как мне показалось, он извинительно сообщил, что на мое место – “по просьбе” посла одной дружественной страны – на предполагавшееся мне место в том Госкомнацмиграции назначили известного поэта и переводчика. “Но ты не горюй, – жизнь

продолжается!..” Так была перевернута еще одна страница моих отношений с **И.Ф.** – политиком, у которого, как оказалось, “были связаны локти”.

6. *Последней – и целостно позитивно окрашенной – страницей оказались октябрьские дни 2002 г.*, когда **И.Ф.** в качестве вице-президента НАНУ подписал какой-то “перспективный план увековечивания в произведениях печати” (это – его слова) имен и дел чем-то отличившихся интеллектуалов страны... По его звонку мы свиделись (16 октября) в его официальном академическом офисе. Не здороваясь, **И.Ф.**, как римляне, с порога сказал:

– Пришло время отмечать всех героев.

– Не дожидаясь их кончины?”, – мрачно пошутил я.

– Тебе рано об этом думать. Мне вот наши органы предоставили о тебе соответствующую справку: поди ж, – какой ты скромный и плодовитый научный и общественный деятель! И очень нормальный, по-человечески трудовой путь прошел: от рядового колхозника – до высокорангового госслужащего, от сельского учителя – до доктора наук и университетского профессора, от пропагандиста районного масштаба – до основателя новой социальной научной дисциплины. И т.д.

– И что эта справка мне, – так же, как мифическая Гекуба шекспировскому герою?, – не то всерьез, не то вшутку спросил я.

– Зря иронизируешь, – пожурил **И.Ф.** – Эту справку, согласованную с Администрацией Президента и “очищенную” от пятен коммунистического прошлого, я отдаю в печать. Это тебе – нечто вроде компенсации за “недотримане слово” в некоторых ситуациях недавних дней. Уж извини, **И.М.** Вот таким образом. Отже, всего тобі доброго!

Это была последняя этико-деловая встреча с **И.Ф.** После того мы издали виделись то в парламентских кулуарах, то на каких-то научных форумах, то на пресс-конференциях. Всего 5 – 6 раз, – и каждый раз издали. “Следы” той справки относительно недавно обнаружили в двух справочно-энциклопедических изданиях²⁰. Считаю это своеобразным нетленным подарком большого человека.

Вот каким я знал и в дневниках “запечатлел” для себя **И.Ф.** Мне, как и ему, шло и идет к семидесяти. В эти годы, писал американский

мрачный афорист **Э. Дэннел**, “ты точно знаешь, что о тебе никто и никогда вообще не думал”. Это – черная мистификация! Я, кажется, неплохо знал и понимал **И.Ф. Кураса**. Мы – “разноступенчатые” современники. Для меня, да и сам по себе, **И.Ф.**, как говорят англичане, был “the right man in the right place” (он был человеком на нужном месте).

¹ См.: Варзар Иван. Из контекстів минулих літ. Вибране в концептуальних і мемуарних вимірах. Книга 1: Держава і народ-етнос в політологічному дискурсі. – К., 2003.

² См.: Собрание сочинений А.Ф. Кони. – В 5-ти томах. – Том 5. – М., 1968. – С.238.

³ Цит. по: **Cartea cronicilor**. Texte antologate și comentate de Elvira Sorohan. – Iași, 1986. – Pag. 133.

⁴ Симонов Константин. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. – М., 1974. – С.128.

⁵ См.: Иван Федорович **Курас**. Біобібліографія. – К., 2005. – С.5.

⁶ Гейне Генрих. Лирика. – В 3-х томах / Пер. с нем. – Том III. – М., 1939. – С.167.

⁷ См.: Иван Федорович **Курас**. Біобібліографія. – С.6.

⁸ См.: Варзарь И.М. Соотношение внутренних и внешних факторов в процессе развития социалистической революции. Теория и методология проблемы в свете ленинизма. – К., 1987.

⁹ Речь о моем выступлении на выездном заседании редколлегии журнала “Вопросы философии” в сентябре 1986 г. в г. Севастополе на тему: “Философское осмысление реальностей начавшейся эпохи перестройки”. – См.: Сафонов Ю.Ф. Читательская конференция в Севастополе / Вопросы философии. – 1987. – №4. – С.160 – 163.

¹⁰ Борн Макс. Моя жизнь и взгляды / Пер. с нем. – М., 1973. – С.10.

¹¹ См.: Варзар І.М. Політична етнологія як наука: історіологія, теорія, методологія, праксеологія. – К., 1994.

¹² Цит. по: Варзар Иван. Из контекстів минулих літ. Вибране. Книга 1: Держава і народ-етнос у політологічному дискурсі. – К., 2003. – С.269.

¹³ См.: Там же. – С.266 – 306.

¹⁴ Цит. по: Там же. – С.269.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Там же. – С.269 – 270.

¹⁸ Цит. по: Там же. – С.270.

¹⁹ Цит. по: Там же. – С.280.

²⁰ См.: Енциклопедія сучасної України. – У 25-ти томах. – Том 4 / За ред. І.М. Дзюби. – К., 2005. – С.82; Політологічний словник. Навч. посіб. / За ред. М.Ф. Головатого та О.В. Антонюка. – К., 2005. – С.85.

г. Київ, декабрь 2005 г.